Пт 2711 1

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

6.

Стр.

113. Записки **М. С. Сабининой.** 1850—1852.

145. Передъ Семилѣтнею войною. Письмо канцлера **графа А. П. Бестужева.**

150. Пугачевскіе сообщники въ Астрахани. **П. Л. Юдина.**

159. Подмосковная старина. Петровское-Разумовское. Съ рисункомъ.

166. Петръ Александровичъ „Капитанская дочка".

171. Къ 75-ти лѣтію со дня смерти графа М. А. Милорадовича.

172. Изъ жизни военнаго отряда въ Родопскихъ горахъ (1878). **Д. В. Бартенева.**

176. Изъ сборниковъ **П. И. Щукина.**

208. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его брату. 1813-й годъ.

236. Отзвукъ Бородинскаго боя. Воспоминаніе **Д. В. Губерти.**

239. Изъ моей старины. Воспоминанія **князя А. В. Мещерскаго.**

264. Письмо **Т. Н. Грановскаго** къ Д. И. Мейеру.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

2746

947.005
RUSS
v.38[6]

ЗАПИСКИ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ *).

Во время моего отсутствія, въ Веймаръ пріѣхалъ dr. Шеве и читалъ публичныя лекціи о френологіи. Я успѣла попасть только на послѣднюю его лекцію, которая предназначалась на осмотръ головъ слушательницъ. Первыми жертвами опредѣленія способностей были двѣ молодыя наши подруги, которымъ онъ очень лаконически объявилъ, что ихъ головы ничего особеннаго изъ себя не представляютъ. Онѣ на другой день утѣшили другъ друга, пославъ одна другой по городской почтѣ письма въ стихахъ, въ которыхъ оплакивали обоюдныя ничтожества. Между слушательницами была моя мать, голова которой его очень заинтересовала. Онъ опредѣлилъ, что по умственному развитію голова моей матери скорѣе мужская, чѣмъ женская, и указалъ на дарованія, которыя вполнѣ соотвѣтствовали ея наклонностямъ и вкусамъ, какъ, напримѣръ, даръ музыки, красокъ и т. д. Послѣ нея сѣла на стулъ сестра моя Марія Степановна; онъ нашелъ сходство въ конструкціи головы, но всѣ шишки, опредѣляющія способности, гораздо менѣе развитыми и не такъ ясно опредѣленными, какъ у матери. Затѣмъ посадили меня, и всѣ ожидали, что онъ скажетъ, что выпуклость музыки больше всѣхъ другихъ талантовъ. Но онъ сперва опредѣлилъ, что идеализмъ очень очерченъ на моей головѣ, и когда его спросили: «а какой талантъ?»—онъ отвѣтилъ: «Farbensinn» (способность къ краскамъ). Но всѣ сказали ему: «нѣтъ, другой». Тогда онъ отвѣтилъ: «Послѣ этого болѣе всего развить даръ музыки». Моя голова прошла экзаменъ благополучно; онъ нашелъ многое, чего я не подозрѣвала, и еще долго послѣ его отъѣзда мы искали другъ у друга выдающіяся шишки на головѣ, и насъ немало забавляло опредѣлять по нимъ качества разныхъ лицъ.

Все это время мы много работали, стараясь въ работѣ забыть ипохондрическое настроеніе духа моего отца. Понятно, больше всего при этомъ страдала моя мать, и жизнь ея была нелегка. Забота о будущности дѣтей немало тревожила моихъ родителей: если, не дай

*) См. выше, стр. 37.

Богъ, отецъ или мать закроютъ глаза, что̀ будетъ со всѣми дѣтьми, родившимися за границей, привыкшими къ заграничной жизни и чуждыми своему отечеству? Я помню, что сама я, понимая отлично наше положеніе, часто бывала въ отчаяніи и работала вдвойнѣ, чтобы въ случаѣ нужды быть въ состояніи зарабатывать кусокъ хлѣба. Имѣть возможность помочь въ чемъ-либо горячо любимому моему семейству было всегда мечтой моей жизни. Мои братья имѣли высочайшее разрѣшеніе оставаться при родителяхъ до 18-лѣтняго возраста; но затѣмъ, для окончанія курса, слѣдовало помѣщать ихъ въ Россію. Мой отецъ получалъ жалованья *) . . . . р. въ годъ. Когда начали отправлять братьевъ въ Россію, жить въ разныхъ мѣстахъ оказалось, понятно, дороже, чѣмъ когда мы всѣ жили вмѣстѣ, и мой отецъ, чтобы имѣть возможность удовлетворить всѣмъ требованіямъ, просилъ нашу великую княгиню исходатайствовать ему прибавку жалованья за его двадцатипятилѣтнюю службу за границей. Но наша великая княгиня наотрѣзъ ему отказала, говоря, что онъ получаетъ столько же, сколько Веймарскіе министры. Припоминаю еще другую подобную неудачу. Мой отецъ, неся тяжесть прокормленія, воспитанія и образованія многочисленнаго семейства и видя, какъ скудно оплачивались его литературные труды, которые не имѣли общаго интереса, а были спеціальные по Русскимъ и Скандинавскимъ древностямъ, или такіе труды, какъ Исландская грамматика, рѣшился перевестись на другое мѣсто, лучше оплачиваемое, чѣмъ Веймаръ, а именно, послѣ смерти протоіерея Попова, желалъ получить его мѣсто при Русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ. Но когда онъ объявилъ объ этомъ нашей великой княгинѣ, она разсердилась и не хотѣла и слышать о подобномъ рѣшеніи, и онъ остался въ Веймарѣ при своемъ прежнемъ жалованьѣ.

1-го Августа былъ концертъ въ пользу Шлезвигъ-Голштинцевъ, во время котораго собирали корпію и разныя другія пожертвованія. Было общее возбужденіе.

9-го Августа. Я была у Р. Монтагъ, чтобы видѣть отца Клары Шуманъ, старика Викъ, который пріѣхалъ въ Веймаръ съ другой своей дочерью, Маріей Викъ. Она играла чисто и съ большой силой. Ея отецъ, уже старый человѣкъ, производитъ скорѣе непріятное впечатлѣніе: онъ очень живой, горячій и своенравный старикъ. Клара Шуманъ, будучи ребенкомъ, не знала никакихъ дѣтскихъ игръ или удовольствій; все подобное отнималъ у нея ея отецъ, истый домашній тиранъ. Разъ, когда Кларѣ было семь лѣтъ, одна дама пригласила ее съ отцомъ и, чтобы доставить дѣвочкѣ какое-нибудь удовольствіе, она

*) Не нашла, сколько.

одновременно пригласила къ себѣ еще другихъ дѣтей ея возраста и позаботилась о томъ, чтобы игрушекъ было достаточно для ихъ развлеченія. Но старикъ Викъ не позволилъ своей дочери играть ни съ дѣтьми, ни съ игрушками, и бѣдная дѣвочка смѣла только издали смотрѣть на веселье другихъ дѣтей.

Когда Клара Викъ объявила своему отцу, что выходитъ замужъ за Роберта Шумана, старикъ страшно разсердился и не хотѣлъ объ этомъ слышать; когда же она ему объявила, что не измѣнитъ своего рѣшенія, онъ такъ разозлился, что взялъ ее и сбросилъ съ лѣстницы. Клара пріютилась у своихъ друзей, вышла замужъ за Шумана и никогда больше не возвращалась къ отцовскому очагу. Не ради грусти о разлукѣ съ дочерью Викъ не желалъ ея брака, а просто съ его стороны это былъ денежный расчетъ: онъ разсчитывалъ имѣть свою выгоду отъ ея концертовъ и лишаться этого ему не хотѣлось. Онъ считалъ ее своей должницей, такъ какъ воспиталъ и руководилъ ея музыкальнымъ образованіемъ, поэтому онъ не хотѣлъ передавать другому лицу плоды своихъ трудовъ. Послѣ отъѣзда своей дочери Клары, онъ все свое вниманіе перенесъ на вторую свою дочь, Марію, которая и училась подъ его руководствомъ. Она была менѣе даровита и энергична, чѣмъ Клара; но можно себѣ вообразить, что ея отецъ не выпускалъ ея со своихъ глазъ, опасаясь вторичнаго пораженія, подобнаго тому, которое пришлось ему пережить при замужествѣ Клары. Жена его развелась съ нимъ и вступила во второй бракъ съ Баргіэлемъ въ Берлинѣ; отъ этого брака у нея родился сынъ съ большими музыкальными способностями.

Осенью познакомилась я съ Іоахимомъ. Исполняли (1-го Октября) Мессію Генделя; соло пѣла г-жа Граунанъ, одна изъ лучшихъ ученицъ Гарціа (отца). Она принадлежала къ очень хорошему семейству, которое обанкрутилось; тогда она рѣшилась изучить пѣніе, и въ 4 мѣсяца выучилась Итальянскому языку; по-французски она говорила хорошо и свободно. Пѣла она очень хорошо и тѣмъ содержала свою престарѣлую мать и себя. У нея-то я и встрѣтила Іоахима. Ему было въ то время 18 лѣтъ, на видъ онъ былъ очень моложавъ и совсѣмъ не похожъ на молодого артиста, но производилъ впечатлѣніе молодого мальчика безо всякихъ претензій; онъ былъ очень простъ въ обхожденіи, спокоенъ и говорилъ медленно. Клара Шуманъ говорила о немъ, что онъ еще такъ неоконченъ, потому что еще не любилъ. Когда была репетиція съ молодой и красивой Р. Ахте (Agthe), она попробовала кокетничать съ Іоахимомъ. Когда она ушла, онъ сказалъ присутствовавшимъ Листу, Раффу, Мильдэ и др.: «Я себѣ Ахте совсѣмъ иначе

представлялъ, она такъ на меня смотритъ, дѣлаетъ такіе большіе глаза». Понятно, что всѣ расхохотались.

19-го Октября Іоахимъ долженъ былъ впервыя играть въ концертѣ въ Веймарѣ и безпокоился о томъ, какъ его примутъ. Понятно, что такого музыканта и приняли и проводили шумно. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не слыхала я концертъ Бетховена, сыгранный въ такомъ совершенствѣ; впечатлѣніе было такое глубокое, что я еще теперь о немъ вспоминаю.

Вскорѣ я опять попросила моего отца позволить мнѣ ѣхать въ Дюссельдорфъ, куда переселилась Клара Шуманъ, для продолженія занятій съ нею. Узнавъ объ этомъ, наша великая княгиня спросила меня, почему я не хочу продолжать свое музыкальное образованіе въ Веймарѣ, гдѣ живетъ Листъ. Я отвѣтила, что Листъ не даетъ частныхъ уроковъ, а Клара Шуманъ даетъ отличные. Тогда великая княгиня обратилась къ моей матери и сказала ей: «Пусть ваша дочь ѣдетъ, а, возвратившись, окончитъ здѣсь свое образованіе». У великой княгини всегда была мысль, что въ Веймарѣ можно найти все, что̀ нужно для полнаго воспитанія, и она очень не любила, когда обращались къ чужимъ силамъ и учителямъ. Наканунѣ моего отъѣзда она позвала меня къ себѣ, простилась со мной очень милостиво и передала поклонъ для Клары Шуманъ.

31-го Октября. Я уѣхала въ Дюссельдорфъ, въ сопровожденіи одной старой дамы изъ Веймара, которая ѣхала обозрѣвать свои Рейнскіе виноградники. Мы ѣхали на Гиссенъ, Франкфуртъ, Майнцъ и Кёльнъ.

3-го Ноября я наконецъ прибыла въ Дюссельдорфъ и на другой же день пошла повидаться съ Кларой Шуманъ, которая ѣхала въ Кёльнъ, чтобы играть въ концертѣ. Она меня очень приглашала ѣхать туда же, чтобы присутствовать на ея концертѣ. Я согласилась, желая при этомъ заѣхать въ Боннъ, чтобы навѣстить старыхъ друзей моихъ родителей, Липмана съ женой. На слѣдующій день въ Кёльнѣ, на репетиціи концерта, я познакомилась съ Фердинандомъ Гиллеромъ (Hiller). Жена его—красивая женщина, а самъ онъ—живой, маленькій Еврей. Онъ ученикъ І. Н. Гуммеля, и его игра очень чистая, мягкая и perlée. Сочиненія его,—какъ почти всѣ, исходящія изъ Еврейскаго пера,—обработаны хорошо, звучны, но интереса музыкальнаго имѣютъ мало, за исключеніемъ его «Rhytmische Studien», которыя не такъ распространены, какъ слѣдовало между играющими. Гиллеръ былъ въ то время капельмейстеромъ въ Кёльнѣ; онъ очень любезный распорядитель. Программа еще стараго времени: всего понемногу и очень

шестро. Перемѣшать духовную музыку со свѣтской, совсѣмъ не пуританскаго стиля, возможно только нехристіанину.

Репетиція не сошла благополучно для Клары Шуманъ. По окончаніи концерта ея мужъ подошелъ къ ней и просто выбранилъ ее за слишкомъ скорое темпо. Была ли она виновата, или Гиллеръ, который дирижировалъ оркестромъ, но, словомъ, на нее обрушился весь гнѣвъ ея мужа. Она была въ отчаяніи и горько плакала. По окончаніи репетиціи она отправила всѣхъ изъ залы и просила только меня остаться съ нею, вновь принялась повторять всѣ свои вещи. Она сказала мнѣ: «Я такой педантъ, что иначе не могу играть»; мнѣ же казалось, что отдыхъ былъ ей необходимъ. Вечеромъ она была вознаграждена восторженнымъ пріемомъ со стороны публики, и самъ Шуманъ какъ-то успокоился.

На слѣдующій день я поѣхала повидаться съ Липманомъ и его женою. Онъ прежде служилъ въ Россіи и читалъ исторію Наслѣднику Александру Николаевичу. По выслугѣ пенсіи онъ оставилъ Россію и жилъ попеременно въ Дрезденѣ, Веймарѣ, Боннѣ и Іенѣ. Его жена была предобрѣйшая Англичанка. Онъ былъ очень умный, саркастичный старикъ и оригиналъ въ высшей степени. Разъ наша великая княгиня, желая узнать его мнѣніе о Іенскихъ профессорахъ, спросила его, кого онъ считаетъ лучшимъ профессоромъ при университетѣ? Онъ отвѣтилъ ей: «Профессора Лудена, ваше высочество».—Она спросила: «А еще?» Онъ опять говоритъ: «Луденъ». Тогда она, полагая, что онъ не понялъ ея, переспрашиваетъ его опять, но получаетъ тотъ же отвѣтъ: «Луденъ». Она поняла, что чудакъ и въ этомъ оказался чудакомъ *).

Старики Липманы такъ обрадовались меня видѣть, что я была глубоко тронута ихъ пріемомъ. У нихъ не было дѣтей, и они всѣхъ насъ очень баловали. По смерти своей они оставили каждому изъ насъ по 500 талеровъ, что̀ и было единственнымъ нашимъ состояніемъ, такъ какъ мой отецъ не могъ откладывать для своихъ дѣтей.

Липманъ скончался весной 1854-го года. Моя часть наслѣдства послужила мнѣ для переѣзда въ Россію въ 1860-мъ году, когда надо было экипироваться и дѣлать расходы на устройство, на что не достало мнѣ денегъ, данныхъ на курьерскій подъемъ. Сестра Мари употребила свою часть на путешествіе въ Италію; но какъ этого ей далеко не хватило бы, то она заимообразно взяла деньги у моихъ двухъ младшихъ сестеръ, и кромѣ того я ежемѣсячно выдавала ей 500 франковъ во все время ея восьмимѣсячнаго путешествія. Я тогда это дѣлала въ полной надеждѣ, что, серьезно занявшись у Корради

*) Профессоръ Луденъ читалъ исторію въ Іенскомъ университетѣ.

въ Римѣ, она впослѣдствіи будетъ въ состояніи употребить свой развитый талантъ на поддержку младшихъ сестеръ. Но какъ я, такъ и мое семейство въ этомъ очень ошиблись: она забросила свой талантъ и не думала о жертвахъ, которыя мы принесли для нея.

Пробывъ у Липмановъ нѣсколько часовъ и осмотрѣвъ съ ними памятникъ Бетховена, я возвратилась въ Кёльнъ, гдѣ встрѣтила Клару Шуманъ съ мужемъ и Гиллера съ женою. Они взяли меня къ себѣ, а послѣ обѣда мы вернулись въ Дюссельдорфъ.

На другой день (7-го Ноября) я сдѣлала необходимые визиты, познакомилась съ Васильевскимъ (I. v. Wassilefsky, скрипачемъ) и устроилась у одной старой вдовы.

9-го утромъ я присутствовала на репетиціи концерта Клары Шуманъ, а вечеромъ на самомъ концертѣ. Программа была иная, чѣмъ въ Кёльнѣ, и концертъ кончился ко всеобщему удовольствію. Мнѣ очень понравились варіаціи Шумана для двухъ фортепіанъ, которыя я слышала въ первый разъ; тема очаровательна, а разработка достойна пера Шумана.

10-го Ноября, въ честь Мартина Лютера, по всей Германіи празднуютъ память Святаго Мартина. Странно, что главное празднованіе выпадаетъ на долю дѣтей: въ Веймарѣ они, съ пестрыми фонарчиками, отправлялись къ дому, гдѣ жилъ Мартинъ Лютеръ, и пѣли передъ нимъ нѣсколько хораловъ. Къ этому дню по всѣмъ лавкамъ продавались пряники и орѣхи, а за ужиномъ, даже въ бѣднѣйшихъ семействахъ, подавали гуся съ кислой капустой, такъ называемаго «Martin's Gans. Въ Дюссельдорфѣ по улицамъ бѣгали мальчики съ фонарями изъ выдолбленныхъ тыквъ и кричали: «Saint Martens! Saint Martens!»

12-го Ноября меня приняли членомъ въ музыкальный союзъ (Musikverein), гдѣ еженедѣльно собирались для хорового пѣнія. Въ этотъ вечеръ повторяли «Requiem für Mignon aus Goethe's Wilhelm-Meister», для хора и оркестра, соч. Р. Шумана. Въ то время сочиненіе это было рукописью.

На слѣдующій день мы собрались у слѣпой Розы Лезеръ, страстно любившей музыку. Она была дочь фабриканта, уже не молода, сама хорошо играла и, имѣя состояніе, жила довольно широко. Въ этотъ вечеръ пѣли «Spanische Liederkreis» Р. Шумана, чудное его твореніе, а м-мъ Шуманъ играла маленькія вещи Шопена и Мендельсона.

14-го я опять начала свои уроки у Кл. Шуманъ; она меня очень одобрила, и я вновь принялась за работу. По совѣту Р. Шумана я должна была продолжать уроки теоріи музыки, и учителемъ для меня онъ выбралъ Ю. Тауша. Я брала у него эти уроки вмѣстѣ съ дру-

гой ученицей Клары Шуманъ, Дюпрэ; но, благодаря его неаккуратности, мы не далеко съ нимъ пошли.

2-го Декабря. Мы слышали въ концертѣ Сюлота (Sulot), скрипача, перваго по техникѣ послѣ Паганини, какъ выразился Шуманъ; онъ бывшій ученикъ Парижской Консерваторіи; его техника, сила и mezza voce удивительны, но передаетъ онъ сочиненія съ Французскимъ пониманіемъ (Auffassung), что́ не идетъ для классическихъ вещей. Не смотря на выдающійся талантъ и технику Сюлота, едва ли изъ него выйдетъ что-либо великое, такъ какъ онъ не имѣетъ въ себѣ артистической гордости и такта. Шуманъ былъ пораженъ игрой Сюлота, проходя мимо увеселительнаго заведенія, гдѣ послѣдній преспокойно игралъ; если бы онъ былъ артистъ въ душѣ, то никогда не согласился бы такъ вывести свой талантъ.

11-го Декабря. Играла съ Васильевскимъ. Познакомилась съ этою четою, которая переселилась въ Америку; они купили тамъ имѣніе и жили, хозяйничая въ немъ; дѣтей у нихъ не было, и они хотѣли меня удочерить, но я не могла даже подумать писать объ этомъ моимъ родителямъ. Они очень любили музыку и дѣлали очень печальное описаніе музыкальнаго вкуса Американцевъ, которымъ, по ихъ словамъ, нравятся такія шарманочныя пѣсни, какъ: «Die schöne Lodaiska», «Schon dreiszig Iahre bin ich alt» и другія вещи въ этомъ родѣ.

Новый Годъ (новый стиль) я встрѣтила у Р. Лезеръ, гдѣ играла съ Васильевскимъ. Мнѣ было грустно и тяжело безъ моего семейства.

1851-й годъ.

Все это время я себя чувствовала очень усталой, вѣроятно вслѣдствіе того, что много упражнялась; но когда ко мнѣ пришла г-жа Шуманъ съ г. Васильевскимъ и фрелейнъ Дюпрэ и сказала мнѣ, что хочетъ выслать меня на бой (in Kannonsfeuer schicken), то-есть, что она желала бы, чтобы я, вмѣстѣ съ другими двумя ея ученицами, Нанеттой Фалькъ и Каролиной Дюпрэ, играла тройной концертъ Баха: я не отказалась, но отвѣтила, что сначала должна спросить у моихъ родителей, позволятъ ли они мнѣ открыто выступить въ такомъ большомъ концертѣ. Получивъ ихъ разрѣшеніе, я принялась упражняться.

13-го Января у г-жи Шуманъ былъ вечеръ; пріѣхавшіе изъ Бремена піанистъ Рейнеке и скрипачъ Кёнигслевъ музицировали вмѣстѣ очень хорошо, а Софи Шлоссъ очень хорошо пѣла: у нея былъ очень мягкій густой (rund) альтовый голосъ, и въ ея пѣніи было много жизни. Затѣмъ Шуманъ предложилъ потанцовать; но онъ и его жена, какъ почти всѣ строго придерживающіеся такта музыканты, танцовали

не въ тактъ. Шуманъ былъ очень веселъ, и въ его открытой улыбкѣ было что-то совсѣмъ добродушное.

На слѣдующій день былъ вечеръ Дюссельдорфскаго любительскаго музыкальнаго кружка, который разъ въ недѣлю собирался для пѣнія и которымъ управлялъ Шуманъ. Хоры этого кружка часто принимали участіе въ публичныхъ концертахъ, даваемыхъ подъ управленіемъ Шумана. На этотъ разъ Шуманъ заставилъ пѣть хоры и соло изъ «Serail aus Egypten» Гэнделя. Я уже много лѣтъ пѣла альтомъ въ хорѣ Веймарскаго любительскаго пѣвческаго кружка (Singverein), а такъ какъ у меня былъ большой голосъ, и я вѣрно и свободно пѣла съ листа, то мнѣ обыкновенно приходилось исполнять соло альта. Будучи членомъ Дюссельдорфскаго пѣвческаго кружка, я на вопросъ Шумана: какой у меня голосъ, отвѣтила, что альтъ и стала къ альтамъ. Мы пропѣли хоръ, затѣмъ слѣдовало маленькое соло для альта. Шуманъ сталъ подходить по очереди къ каждой изъ участвовавшихъ въ хорѣ дамъ, прося одну послѣ другой пропѣть это маленькое соло; но всѣ отвѣчали: «я не могу пѣть соло». Когда онъ подошелъ ко мнѣ, я взяла у него изъ рукъ листъ съ нотами и начала пѣть, а онъ отбивалъ тактъ. На противоположномъ концѣ залы сидѣла г-жа Шуманъ, вмѣстѣ съ своей пріятельницей, Розой Лейзеръ, которая и сама играла замѣчательно хорошо для слѣпой. Родители Розы Лейзеръ были довольно богатые люди. Въ мое время она брала уроки у Тауша, который диктовалъ ей пьесы tactweise; такимъ образомъ онѣ врѣзывались въ ея память, послѣ чего она сама ихъ играла. Г-жа Шуманъ часто бывала у нея и нерѣдко радовала бѣдную слѣпую своей игрой.

Какъ я уже сказала, когда я запѣла свое соло, онѣ сидѣли вмѣстѣ, и г-жа Шуманъ сказала: «Finden wer singt!—Frl. Sabinin; und so fest und solche Courage». (Узнайте, кто поетъ!—Фрелейнъ Сабинина; и такъ увѣренно и такъ храбро). Она была совсѣмъ удивлена и обрадована. Когда я кончила, оба Шумана подошли ко мнѣ; онъ благодарилъ, а она мнѣ сказала: «Was haben sie für eine schöne, volle und grosse Stimme». (Какой у васъ красивый и большой голосъ).

Когда, нѣсколько дней спустя, я увидѣла Клару Шуманъ, она мнѣ сказала, что мужъ ея совсѣмъ пораженъ тѣмъ, какой у меня голосъ, и что онъ мнѣ совѣтуетъ отставить на второй планъ игру на фортепіано и всецѣло посвятить себя пѣнію. Зная, что въ нашемъ семействѣ чахотка наслѣдственна, я не могла рѣшиться промѣнять игру на пѣніе; но по просьбѣ г-жи Шуманъ согласилась брать уроки пѣнія у Софи Шлоссъ.

Кромѣ этого, я брала также уроки гармоніи (теоріи музыки) у Юліуса Тауша, музикъ-директора Дюссельдорфскаго городского театра. Это былъ еще молодой артистъ, очень добродушный, имѣвшій очень хорошее музыкальное сужденіе, но до того безпечный и неаккуратный, что мы бывали рады, когда на урокъ, назначенный къ 4-мъ часамъ, онъ являлся въ пять. Шуманъ дѣлалъ ему упреки за его неаккуратность въ отношеніи насъ, но ничто не помогало: такихъ людей нельзя измѣнить никакими словами. Впослѣдствіи, когда Шуманомъ овладѣла его печальная болѣзнь, Таушъ замѣстилъ его въ Дюссельдорфѣ. Какъ піанистъ, Таушъ игралъ чисто, но игра его была довольно бездушна.

Изъ игравшихъ со мною ученицъ г-жи Шуманъ, Нанетта Фалькъ была очень некрасивая Еврейка, но талантливая и старательная дѣвушка, родомъ изъ Гамбурга; но она была не на столько геніально одарена, чтобы публика, слушая ее, могла забыть ея непривлекательную, чисто-Жидовскую наружность. Публика такъ уже создана, что для того, чтобы ей нравиться, недостаточно безупречнаго, артистичнаго исполненія: надо еще, чтобы артистка имѣла красивую наружность; въ противномъ случаѣ успѣхъ ея будетъ сомнителенъ. Быть-можетъ, Полина Віардо единственная артистка, которая выразительностью и пластичностью своей игры умѣла заставить забыть о своемъ наружномъ безобразіи.

Въ началѣ 1855 года Нанетта Фалькъ неожиданно пріѣхала на нѣсколько дней въ Веймаръ; par acquit de conscience, я повела ее къ Листу, но она была такая некрасивая, маленькая и худая Жидовка, что я отлично знала, что онъ отсовѣтуетъ ей продолжать стремиться къ публичному состязанію между піанистками. Мнѣ больно было видѣть, что я не ошиблась, и что для того, чтобы труды ея на изученіе фортепіанной игры не пропали даромъ, можно было только посовѣтовать ей помѣститься гдѣ-нибудь въ качествѣ учительницы музыки.

Другая ученица г-жи Шуманъ, Каролина Дюпрэ *), была родомъ изъ Брауншвейга. Мало одаренная, она старалась безконечными упражненіями замѣнить свое отсутствіе таланта, и надѣялась такимъ путемъ достигнуть блестящей техники. Но отъ чрезмѣрнаго упражненія у нея сдѣлался нервный параличъ руки и, не смотря на то, что для излѣченія ея употреблены были всевозможныя средства, рука такъ и оста-

*) Мать Каролины Дюпрэ сказала разъ г-жѣ Шуманъ: „Sagen sie meiner Tochter alles, es wird doch nachher heissen, das sie Ihre Schülerin ist“. (Говорите все моей дочери: вѣдь впослѣдствіи будетъ извѣстно, что она ваша ученица). Госпожа Шуманъ была возмущена глупостью обѣихъ и нашла что она играетъ изъ одного тщеславія.

лась безъ движенья. Вскорѣ послѣ этого Каролина Дюпрэ вышла замужъ за одного очень богатаго Дюссельдорфца и оставила музыку.

7-го Февраля былъ концертъ, въ которомъ мы участвовали. На этомъ концертѣ въ первый разъ была сыграна только-что оконченная симфонія № 3 (Es-dur) Шумана, находившаяся еще въ рукописи.

Послѣ концерта былъ ужинъ, во время котораго я сидѣла рядомъ съ Робертомъ Шуманомъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что очень любитъ Россію, и что съ пребываніемъ его тамъ сопряжены для него лучшія воспоминанія его жизни. Повсюду въ Россіи его принимали очень любезно, но въ особенности у графа Вьельгорскаго, домъ котораго для музыки былъ настоящимъ храмомъ искусства. Шуманъ полюбилъ и Русскій народъ, со всѣми его особенностями, и при воспоминаніяхъ о Россіи становился совсѣмъ разговорчивымъ, что̀ вообще случалось съ нимъ очень рѣдко.

Онъ разсказывалъ также о Листѣ и о своемъ спорѣ съ нимъ на счетъ Мейербера и Мендельсона. При этомъ Шуманъ еще разъ заявилъ, что не выноситъ музыки Мейербера. «Was ist das für Musik sein Prophet; ich würde ihn nicht zum zweiten Male hören wollen». Тутъ къ нашему разговору присоединилась г-жа Шуманъ; она съ жаромъ говорила противъ Листа, въ особенности какъ композитора. Понятно, что натуры до такой степени различныя, какъ Клара Шуманъ и Листъ, не могли сойтись. Она не могла совершенно измѣнить своему Восточному происхожденію и часто бывала мелочна, напримѣръ, въ денежныхъ дѣлахъ, что̀ такъ мало согласуется съ искусствомъ. Но Робертъ Шуманъ не раздѣлялъ мнѣнія своей жены, находя, что Листъ великъ и какъ піанистъ, и какъ человѣкъ («Ein geistlicher Spieler und Mensch»).

Не смотря на такое справедливое сужденіе, Шуманъ, благодаря вліянію своей жены, сторонился Листа, или, лучше сказать, онъ придерживался Лейпцигскаго музыкальнаго міра, въ которомъ выросъ и среди котораго имѣлъ немало личныхъ друзей. Но Лейпцигъ издавна отличался одностороннимъ, почти исключительно классическимъ направленіемъ, и не представлялъ того разнороднаго характера, которымъ, благодаря обширному его кругозору, отличалась дѣятельность Листа въ Веймарѣ. Суживать или задерживать дѣятельность кого-либо было противно натурѣ Листа: онъ создавалъ жизнь вокругъ себя, оставляя жить другихъ.

4 (16) Февраля, день рожденія нашей великой княгини Маріи Павловны, и въ Веймарѣ всегда старались въ этотъ день исполнить какую-нибудь новую оперу. На этотъ разъ назначена была опера Раффа «König Alfred», но на бѣду г-жа Ахте и нѣкоторые другіе члены Веймарскаго

театра заболѣли такъ, что пришлось отложить объявленное представленіе и замѣнить его концертомъ подъ управленіемъ Листа.

Какъ музикдиректоръ, Робертъ Шуманъ имѣлъ право давать концерты; 13-го (7) Марта онъ далъ концертъ, составленный, за исключеніемъ одной сонаты Бетховена, изъ однихъ только собственныхъ его сочиненій. Публика осталась очень недовольна столь односторонней программой, и вѣроятно это дошло до свѣдѣнія Шумановъ, потому что онъ ходилъ, какъ недовольный медвѣдь, а она едва сдерживала слезы. Концертъ этотъ произвелъ болѣзненное впечатлѣніе. Истинно-музыкальная публика съ гордостью отнеслась бы къ подобному концерту и носила бы на рукахъ такого артиста, какъ Шуманъ; но большая часть общества Дюссельдорфа состояла изъ семействъ богатыхъ фабрикантовъ, купцовъ и т. д., отъ которыхъ въ то время нельзя было ожидать, чтобы они могли понять и оцѣнить Шумана.

Мой отъѣздъ изъ Дюссельдорфа приближался, но я совершила еще небольшую поѣздку въ Эльберфельдъ, чтобы присутствовать на концертѣ г-жи Шуманъ, который увѣнчался блестящимъ успѣхомъ.

Въ Эльберсфельдѣ г-жа Шуманъ сказала мнѣ: «Когда я разставалась съ Робертомъ, я сказала ему, что хорошо, что я дня на два уѣзжаю, потому что при свиданіи любовь удвоивается» (liebt man sich doppelt). Г. Ейлеръ, находившійся въ это время въ комнатѣ, сказалъ мнѣ: «По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ въ очень дурномъ расположеніи послѣ своего концерта».

Марта 19-го (7). Я пошла прощаться съ Шуманами и сидѣла у нихъ довольно долго. Она спросила меня, остановлюсь ли я въ Лейпцигѣ, или же мнѣ хочется поскорѣе домой. Я отвѣтила, что меня дѣйствительно тянетъ къ моимъ, но что, не смотря на это, я собираюсь провести дня два въ Лейпцигѣ. «Да», сказала она, «я увѣрена, что у васъ довольно твердости, чтобы, разъ взявшись за что-нибудь, довести это до конца».

Шуманъ былъ очень любезенъ и сказалъ мнѣ: «Leben Sie wohl, schreiben Sie uns bald und denken Sie an uns». («Будьте здоровы, напишите намъ поскорѣе и вспоминайте о насъ»). Съ Кларой Шуманъ мы разстались очень сердечно. «Я была бы очень счастлива», сказала она, «если бы всѣ доставляли мнѣ столько удовольствія, сколько вы». Она повторила просьбу своего мужа о томъ, чтобы я имъ писала, и просила передать поклонъ Листу, Монтагу, Іоахиму и Лидіи Фрэге, поручая при этомъ разсказать послѣдней о новыхъ сочиненіяхъ Роберта Шумана, такъ какъ она ими интересуется.

22-го, пріѣхавъ въ Лейпцигъ, я отправилась въ церковь Святого Ѳомы, гдѣ по Субботамъ пѣли Motteten. На слѣдующій день я была

на музыкальномъ утрѣ у Лидіи Фрэге. Тамъ играли: Марія Викъ—сестра Клары Шуманъ,—Мошелесъ, Давидъ и.... (віолончель). Изъ Лейпцига я поѣхала повидаться съ двумя своими подругами Брокгаузенъ, въ имѣніе ихъ матери Проссенъ, недалеко отъ Шандау. Фрау Брокгаузенъ была родная сестра Рихарда Вагнера и, когда ихъ родители умерли, она, будучи значительно старше брата, замѣнила для него мать, взяла его совершенно въ семью Брокгаузенъ и воспитала его. Но Вагнеръ, со своимъ независимымъ характеромъ, вскорѣ забылъ все добро, которое ему принесли его зять и сестра; и въ то время, о которомъ я говорю, они уже не видались съ нимъ. Вторая дочь г-жи Брокгаузенъ, Клара, которая сама очень хорошо пѣла, очень любила своего дядю и восхищалась его сочиненіями, но и она говорила о немъ: «Es ist ein verdrehter Kerl». (Это пропадшій человѣкъ).

Проведя два дня у Брокгаузеновъ, я вернулась въ Лейпцигъ и тамъ (27-го Марта) присутствовала на Gewandthaus концертѣ, гдѣ съ истиннымъ наслажденіемъ слушала 9-ю симфонію Бетховена, которую рѣдко играютъ, такъ какъ для ея исполненія требуются хорошіе артисты, которыхъ не всегда легко найти.

29-го Марта я наконецъ вернулась въ Веймаръ съ чувствомъ, что какъ бы ни было хорошо у чужихъ, а дома все же лучше всего. Къ сожалѣнію, отца я нашла очень разстроеннымъ и ипохондричнымъ. Безпрерывные труды и то обстоятельство, что онъ писалъ всегда сидя, причиняли ему застои крови. Кромѣ того его тяготили заботы о будущности дѣтей. Насъ было пять братьевъ и шесть сестеръ. Тяжелѣе всего приходилось моимъ братьямъ, которые, пріѣхавъ въ Россію, попадали въ совершенно новую обстановку. Когда, по смерти нашего отца, я выписала къ себѣ въ Россію младшаго моего брата Андрея, съ тѣмъ, чтобы онъ учился въ Петербургской Медицинской Академіи, онъ очень плохо говорилъ по-русски. Вмѣсто того, чтобы помочь ему, двоюродные братья и знакомые поднимали его на смѣхъ, что Русскіе обыкновенно дѣлаютъ: это особенность характера Русскаго человѣка, которую и мнѣ часто приходилось на себѣ испытать. Тогда братъ принялся читать по-русски и съ утра до вечера молчалъ въ теченіе цѣлаго года, не дозволяя себѣ ни малѣйшаго разговора; когда же наконецъ онъ нарушилъ свое молчаніе, то заговорилъ по-русски совсѣмъ хорошо. Для этого требовалось немало силы воли, тѣмъ болѣе, что въ душѣ онъ тосковалъ по родинѣ, или вѣрнѣе по той землѣ, гдѣ онъ родился и гдѣ были его друзья.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Веймаръ, я видѣла знаменитаго Вѣнскаго актера La Roche. Родомъ онъ былъ изъ Веймара, но первоклассный актеръ выработался изъ него на чужой сторонѣ. Его дикція

была ясна, отчетлива и нетороплива, а игралъ онъ такъ естественно, что можно было подумать, что онъ всегда такой въ обыденной жизни, тогда какъ у него это было искусство создавать характеры.

26-го Іюля скончался давнишній другъ моего отца, кирхенратъ Кёлеръ (Köhler), съ дочерьми котораго мы очень дружны и до сего дня (1888-й годъ). Это былъ очень ученый богословъ, а все семейство его очень почтенное и рѣдкіе по вѣрности друзья всѣхъ Сабининыхъ, въ чемъ мы убѣдились въ печальные, какъ и въ радостные, дни.

27-го Іюля мнѣ пришлось играть съ Іоахимомъ сонаты Бетховена; для меня это былъ настоящій ужасъ. Двѣ престарѣлыя дѣвы, фр. Кэмпферъ (Kömpfer) держали пансіонъ для дѣвицъ, воспитывавшихся въ Веймарѣ, между прочими жила у нихъ кузина І. Іоахима, который ради этого часто посѣщалъ ихъ. Іоахимъ былъ очень пріятенъ въ обращеніи и скроменъ и, не смотря на свою молодость, игралъ такъ, какъ будто музыка исходила изъ него; чистота и полнота тона, легкость игры и спокойствіе во время исполненія способствовали совершенству его игры.

Уже много лѣтъ въ Веймарѣ каждую зиму устраивали рядъ (ciclus) квартетныхъ вечеровъ. Въ этомъ году, благодаря участію въ нихъ Іоахима, вечера эти были особенно интересны. Бетховена онъ игралъ, какъ никто: его игра была наисовершеннѣйшая классическая игра, которую я когда-либо слышала. Исполненіе этихъ квартетовъ было удивительное, рѣдкое; но надо сказать, что Іоахимъ и Коссманъ были столпами, которые все поддерживали. Бюловъ, принимавшій тоже участіе въ этихъ вечерахъ, игралъ очень хорошо, но очень холодно. Игру А. Винтербергера нельзя было и сравнивать съ игрой Бюлова; впослѣдствіи онъ посвятилъ себя спеціально игрѣ на органѣ и получилъ мѣсто въ протестантской церкви въ Петербургѣ.

Въ началѣ Августа эрбгросгерцогиня исходатайствовала для Елены и меня дозволеніе ѣхать въ Россію съ великой княгиней Екатериной Михайловной. Тогда подобное путешествіе было сопряжено съ большими затрудненіями и расходами, такъ какъ не было еще прямого желѣзно-дорожнаго сообщенія между Германіей и Россіей. Передъ отъѣздомъ нашимъ въ Россію, мы представлялись нашей великой княгинѣ (въ Бельведерѣ). Она очень надѣлась, что мы обѣ выйдемъ замужъ въ Петербургѣ; но для этой цѣли не слѣдовало бы воспитывать насъ въ Германіи, съ понятіемъ, что только при взаимныхъ склонностяхъ супружество есть настоящій союзъ, котораго иначе нельзя устроить.

12-го Августа (31-го Іюля) мы выѣхали изъ Веймара; мой отецъ сопровождалъ насъ до Галле, а братъ Иванъ до Штетина.

Отъ Берлина до Штетина съ нами ѣхалъ одинъ Прусскій офицеръ, который между прочимъ разсказывалъ, что король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ такой хорошій знатокъ живописи, что, по словамъ одного художника, ни одинъ художникъ не выразитъ болѣе вѣрнаго сужденія о картинѣ, чѣмъ онъ. Еще этотъ офицеръ разсказывалъ, что принцы Прусскіе начинаютъ военную службу съ солдатскаго чина, только на часы ихъ ставятъ во дворцѣ и въ галлереяхъ.

Извѣстно, что младшіе сыновья императора Николая Павловича, великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, должны были, наравнѣ съ прочими солдатами, стоять на часахъ въ суровую зиму. Государь, желая убѣдиться въ томъ, что они дѣйствительно несутъ караульную службу, проѣхалъ мимо ихъ постовъ и увидѣлъ ихъ стоящими безъ перчатокъ и совершенно оцѣпенѣвшими отъ мороза.

14-го Августа мы пріѣхали въ Штетинъ, а 16-го прибыла великая княгиня Екатерина Михайловна съ супругомъ своимъ герцогомъ Георгомъ Мекленбургскимъ. Онъ былъ красивъ, но вслѣдствіе глухоты всегда держалъ голову наклоненною напередъ. Вся свита ихъ состояла изъ фрейлины фонъ Штрандманъ, гофмейстерины, двухъ адъютантовъ герцога и доктора Мишкина.

На слѣдующее утро въ 11-ть часовъ «Merkur», на которомъ находилась великая княгиня со свитой и мы, вышелъ въ Свинемюнде, гдѣ фрегатъ «Грозящій» ожидалъ ея высочество, чтобы отвезти ее въ Россію. Когда великая княгиня приблизилась къ фрегату, матросы стояли на реяхъ и встрѣтили ее троекратнымъ «ура». При снятіи съ якоря, въ 4 часа дня, съ фрегата былъ данъ салютъ въ 21 пушечный выстрѣлъ. Морское путешествіе длилось отъ Воскресенья послѣ полудня до Среды вечера; въ теченіе двухъ дней море было очень бурно; я была почти все время на ногахъ и по возможности оставалась на палубѣ, но бѣдная моя сестра Елена ужасно страдала и даже сказала: «Теперь я умираю»; впрочемъ ея слова меня ничуть не испугали, такъ какъ, хотя мнѣ было очень жаль ея, но я знала, что морская болѣзнь доводитъ до отчаянія.

Великая княгиня не страдала отъ бури, а была очень весела и садилась на пушки. Ея камерфрау, очень натянутая особа, подошла къ ней и сказала: «Votre Altesse a l'air d'une pauvre honteuse avec ce chapeau»—«Vous avez raison», отвѣтила великая княгиня, осматривая свою шляпу, которая была очень помята.

Фрегатъ дѣлалъ отъ 10 до 11½ узловъ въ часъ, и 8-го (20), въ 7 часовъ вечера, мы благополучно пришли въ Кронштадтъ, гдѣ великая княгиня Елена Павловна, въ первый разъ въ жизни разставшаяся

со своей дочерью, встрѣтила ее и своего зятя, послѣ чего они поѣхали въ Ораніенбаумъ.

Мы же вступили на Русскую землю въ 9 часовъ и, переночевавъ въ семействѣ полковника Поскочина, на слѣдующее утро поѣхали въ Ораніенбаумъ, къ нашей теткѣ, сестрѣ моей матери, Маріи Тимоѳеевнѣ Кочетовой, которая проводила тамъ лѣто вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Она была очень умна и добра, очень заботилась о насъ.

Мужъ ея былъ настоятелемъ собора Петропавловской крѣпости, гдѣ находятся гробницы членовъ царской фамиліи. Нельзя себѣ представить что-нибудь болѣе простое и менѣе красивое, чѣмъ были въ то время гробницы нашихъ царей. Бренные останки опускали въ склепъ, находящійся подъ поломъ, а надъ этимъ мѣстомъ ставился деревянный ящикъ, около аршина вышины; ящикъ покрывали чехломъ изъ темнозеленой шерстяной матеріи, мериноса или матеріи въ этомъ родѣ, чехолъ окаймленъ широкимъ золотымъ позументомъ, а на крышкѣ вензель покойнаго.

Въ шестидесятыхъ годахъ баронесса Марія Петровна Фредериксъ, вернувшись разъ изъ крѣпости, сказала императрицѣ Маріи Александровнѣ, что гробницы членовъ Императорскаго Дома слишкомъ безобразны. Послѣ этого деревянные ящики замѣнили гробницами изъ бѣлаго мрамора, а вмѣсто шерстяныхъ чехловъ ихъ накрыли покровами изъ золотой парчи, отороченной горностаемъ.

Черезъ недѣлю мы переѣхали въ Петербургъ, который я видала когда мнѣ было всего четыре года, такъ что изъ моего перваго пребыванія тамъ я сохранила только воспоминаніе о тяжелой болѣзни, которую перенесла тогда, о томъ, какъ дядя Кочетовъ пріобщилъ меня, и какъ меня переносили изъ одной кроватки въ другую. Только за нѣсколько недѣль до возвращенія нашего въ Копенгагенъ я была въ состояніи гулять по саду, и тогда мнѣ пришлось много страдать отъ моего рѣзваго кузена, Бориса Акимовича Кочетова. Разъ ему понравилось бить меня крапивой; я, слабый, едва державшійся на ногахъ ребенокъ, пришла въ такой ужасъ, что меня пришлось опять уложить въ постель; двоюроднаго же брата моего строго наказали.

Меня поразила Петербургская мостовая, составленная изъ неровныхъ камней; послѣ долгой ѣзды по ней я чувствовала себя точно колесованной. Въ городѣ находилось еще много пустырей, гдѣ паслись коровы; привыкнувъ къ Нѣмецкой расчетливости, при которой ни одинъ клочекъ земли не остается въ городѣ незастроеннымъ и необработаннымъ, я находила это совсѣмъ страннымъ. Семейная жизнь показалась мнѣ очень патріархальной: всѣхъ принимаютъ радушно и угощаютъ, и надо ѣсть и пить, чтобы не обидѣть хозяевъ. Такъ какъ

большія разстоянія отнимали возможность дѣлать частыя короткія посѣщенія, то, придя къ кому нибудь, сидѣли довольно долго. Столъ очень вкусенъ, чаю пьютъ много, а послѣ предшествовавшаго холернаго года очень распространилось употребленіе Французскихъ винъ. Народъ крѣпкій, сильный, богато одаренный, ловкій и ко всему способный.

Зимній дворецъ и Эрмитажъ произвели на меня впечатлѣніе величиной и красотой коллекцій. Въ одной изъ залъ императоръ Николай приказалъ выставить золотые и серебряные сервизы двора; между ними были вещи рѣдкой красоты и художественной работы. Царская фамилія въ этотъ самый вечеръ должна была осмотрѣть эту выставку, и при этомъ свѣчи въ люстрахъ должны были зажечься, какъ по волшебству. Новое изобрѣтеніе состояло въ томъ, что легко воспламеняющаяся нить, проведенная къ каждой изъ свѣчей, соединяла ихъ, а концы нити висѣли такъ, что достаточно было къ нимъ поднести горящій фитиль, чтобы разомъ зажглись всѣ свѣчи. Царская семья вошла въ залу когда въ ней еще было темно, и внезапное освѣщеніе залы вполнѣ удалось.

Наша тетя достала намъ билеты для мѣстъ на хорахъ этой залы. Я была очень счастлива, что увидѣла весь нашъ возлюбленный Императорскій Домъ.

Привожу здѣсь анекдотъ о членахъ Императорской Фамиліи, слышанный мною въ то время. Разъ великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ полкъ, командиромъ котораго былъ герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій. Герцогъ не оказался на своемъ посту, и когда, по прошествіи порядочнаго количества времени, онъ явился, великій князь сдѣлалъ ему строгій выговоръ передъ всѣмъ полкомъ, приказалъ отдать саблю и наложилъ на него домашній арестъ. Герцогъ пожаловался на великаго князя своей супругѣ, дочери Государя, великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, которая успокоила его, какъ могла. Это происходило въ первые годы ихъ супружества. Вскорѣ появляется отъ Государя флигель-адъютантъ съ приказаніемъ герцогу явиться къ Его Величеству. Герцогъ отвѣчаетъ, что онъ подъ арестомъ и не смѣетъ выходить изъ своего дворца. Вторично является адъютантъ и повторяетъ повелѣніе Государя. Входя въ кабинетъ Его Величества, герцогъ видитъ, что Государь смѣется съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и послѣдній, смѣясь, спрашиваетъ герцога: нравится ли ему его арестъ? Видя, что вся эта исторія приняла шутливый оборотъ, герцогъ разсказалъ, какъ онъ жаловался объ этомъ своей женѣ. На это великій князь сказалъ ему: «Я долженъ былъ это сдѣлать, чтобы соблюсти дисциплину въ солдатахъ».—7-го (19) Октября я навѣстила Гензельта и его жену, которая родомъ была изъ Веймара. Гензельтъ былъ уче-

никъ І. Н. Гуммеля, долгое время жилъ въ Веймарѣ и уѣзжая оттуда увезъ съ собой жену одного доктора Фогель (Fogel) и женился на ней. Отъ Фогеля у нея было два сына и двѣ дочери, которыхъ она бросила на произволъ судьбы. Фогель женился во второй разъ, и несчастныя дѣти много страдали отъ безчеловѣчной мачихи. Мои сестры и я были дружны съ этими молодыми дѣвушками и знали, какъ тяжела была ихъ жизнь, пока, наконецъ, онѣ не вышли счастливо замужъ.

Гензельтъ игралъ такъ же мягко, чисто и perlend, какъ его учитель Гуммель. Но, какъ артистъ, онъ не шелъ далѣе этого. Сочинялъ онъ немного, а репертуаръ вещей, которыя онъ игралъ, былъ очень невеликъ для такого піаниста, какъ онъ. Послѣ отъѣзда своего изъ Веймара, онъ окончательно поселился въ Петербургѣ и занялся исключительно преподаваніемъ музыки. Въ Россіи у него было несчетное количество учениковъ, но и послѣ пятидесятилѣтняго юбилея его служебной дѣятельности нельзя было сказать, чтобъ онъ составилъ цѣлую школу выдающихся піанистовъ. Всѣ его ученики играли на одинъ ладъ: всякая индивидуальность и характеризующее личность пониманіе терялись окончательно въ бездушной, механической игрѣ школы Гензельта. Я всегда выносила одно и тоже впечатлѣніе отъ игры его учениковъ, которыхъ слышала, хотя они принадлежали ко всевозможнымъ слоямъ общества, и многіе изъ нихъ были многосторонне образованы, что̀ несомнѣнно вліяетъ на развитіе какого угодно таланта.

Гензельтъ принялъ меня очень любезно и у себя игралъ очень любезно, безо всякихъ церемоній, не заставляя себя просить. Публично онъ игралъ очень мало. Когда я ему передала поклонъ отъ г-жи Гуммель, рожденной Рёккель (Röckel), онъ очень былъ радъ, что его не забываютъ въ Веймарѣ.

Г-жа Гуммель, еще будучи фрелейнъ Рёккель, была извѣстна въ Вѣнѣ какъ пѣвица, притомъ красивой наружности. Бетховенъ очень ее любилъ, но она отказалась быть его женой, страшась его угрюмаго характера и сильной его глухоты, и предпочла ему Гуммеля. Впослѣдствіи, когда они съ нимъ видѣлись, супруги Гуммель всячески старались поддерживать дружескія отношенія съ Бетховеномъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ г-жа Гуммель просила меня составить каталогъ музыкальной библіотеки ея покойнаго мужа. Библіотека эта состояла изъ двухъ шкафовъ, наполненныхъ печатными и рукописными нотами, которыя я и привела въ порядокъ. При этомъ случаѣ она подарила мнѣ септетъ (Septette) ея мужа (съ аккомпанементомъ второго фортепіано, или шести другихъ инструментовъ), съ измѣненіями, сдѣланными краснымъ карандашемъ рукою ея мужа; также она дала мнѣ старый каталогъ его нотъ, написанный имъ самимъ.

Гензельтъ былъ изъ числа лучшихъ учениковъ Гуммеля.

Лѣтомъ 1850 года Гензельту пришлось пробыть день въ одномъ городѣ въ Германіи, гдѣ находился Листъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что для того, чтобы понравиться Листу, надо, чтобы человѣкъ уже много сдѣлалъ, что будто Листъ очень тщеславенъ, и что всѣ 15 часовъ, которые онъ пробылъ въ одномъ съ нимъ городѣ, ему пришлось провести у Листа.

Въ Петербургѣ я видѣла многихъ родственниковъ, которыхъ я до тѣхъ поръ вовсе не знала, и многихъ такихъ, которые хотя и не были моими родственниками, но были мнѣ хорошо знакомы, такъ какъ я ихъ прежде встрѣчала за границей.

Разъ вечеромъ къ моей тётѣ Кочетовой пришли съ профессоромъ Левисономъ двое молодыхъ людей, которые представились намъ, а затѣмъ вечеръ прошелъ въ музыкѣ и пѣніи. На слѣдующій день является ко мнѣ d-r Левисонъ и, къ моему великому удивленію, говоритъ мнѣ, что одинъ изъ этихъ молодыхъ людей проситъ моей руки. Я была такъ удивлена и такъ мало къ этому приготовлена, что, будучи всегда очень веселой, разсмѣялась ему въ лицо и сказала, что никогда не выйду замужъ за человѣка совершенно мнѣ незнакомаго. Онъ былъ очень удивленъ и огорченъ моимъ отвѣтомъ.

Между прочимъ, меня повезли восхищаться фокусами въ саду искусственныхъ минеральныхъ водъ. Чего только тамъ не было! И Китайская ярмарка, и лотерея аллегри, Китайская иллюминація сада, Китайская фарфоровая башня, оркестръ, который помѣщался подъ пальмами, вертящаяся колонна съ транспарантомъ, на которомъ изображены были всѣ лица, принимавшія участіе въ музыкальныхъ и увеселительныхъ вечерахъ этого сада. Оркестръ подъ управленіемъ Г. А. Шпецингера, оркестръ кавалергардскаго Ея Величества полка, оркестръ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка играли попеременно; на большой эстрадѣ показывались Китайскія тѣни, туманныя картины; Вейнертъ ходилъ по канату; пускали воздушные шары; шла игра маріонетокъ; сожженъ былъ Китайскій фейерверкъ; въ залѣ пѣли пѣвцы братьевъ Мальчугиныхъ, хоръ Московскихъ Цыганъ, три акробата давали атлетическія и эквилибристическія представленія и, наконецъ, устроена выставка медальоновъ по слѣпкамъ графа Толстого. Къ счастью, невозможно было переварить всего въ одинъ вечеръ; мнѣ казалось, что я попала въ домъ умалишенныхъ: что-то ребяческое было во всемъ этомъ, и стараго, и малаго такъ и тянуло къ Ивану Ивановичу (Излеру).

Петербургская жизнь начинала мнѣ порядочно надоѣдать, и я только и думала, какъ бы вернуться въ Веймаръ, въ свою семью и

къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Работать въ Петербургѣ такъ, какъ это было возможно въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Веймаръ, нельзя было и думать: жизнь здѣсь какъ-то разбросана, тратится даромъ и нездорова. Безпорядочный образъ жизни, далекія разстоянія, сидѣнья до поздняго часа, вставаніе поздно,—все для меня было странно, и я не могла къ этому привыкнуть; я жаждала работы и духовной пищи. Общество, въ которомъ я вращалась въ Петербургѣ, было такъ мало образовано, а существовавшее образованіе такъ мало основательно и поверхностно, что я себя чувствовала какъ бы находящейся на Hungerkur. Особенно мнѣ не нравилась злая черта, которую я замѣтила почти во всѣхъ слояхъ общества и благодаря которой каждое движеніе, каждое слово становятся предметомъ для насмѣшки. Хотя я почти не знала Россіи, но любила ее болѣе всего на свѣтѣ; и, не смотря на это, я очень мучилась и была несчастна при мысли, что настанетъ день, когда мнѣ придется поселиться въ Россіи и покориться господствующимъ обычаямъ.

Великая княгиня Ольга Николаевна, кронпринцесса Виртембергская, была такъ милостива, что позволила намъ ѣхать обратно до Гамбурга съ ней на фрегатѣ «Грозящій». Въ свитѣ ихъ высочествъ, кронпринца и его супруги, находились: фрейлина баронесса фонъ Массенбахъ и фонъ Галденъ (v. Halden), графъ Циплинъ (Zieplin) и г-нъ фонъ Брюлингенъ (v. Brühlingen). Тутъ же находилась камерфрау ея высочества, Софія Раковъ (Rackow), которая въ то время играла большую роль.

1-го Октября (13-го Сентября) въ 8 часовъ утра мы пріѣхали въ Петергофъ и, погулявъ тамъ, переправились на «Грозящій»; въ 2 часа пріѣхала великая княгиня Ольга Николаевна. На переѣздъ изъ Кронштадта въ Киль мы, благодаря бурному морю, употребили пять дней. Великая княгиня, съ которой впослѣдствіи я познакомилась гораздо ближе, была очень весела.

На слѣдующій день, въ девятомъ часу вечера глазамъ нашимъ представилось одно изъ великолѣпнѣйшихъ явленій природы, которыя я когда-нибудь видѣла: сѣверное сіяніе надъ моремъ. Вечеръ былъ темный, и море казалось чернымъ, когда съ Сѣвера на горизонтѣ мало-по-малу стали подниматься широкія свѣтло-голубыя полосы, достигли наконецъ до половины зенита неба и какъ столпы неподвижно стояли на ярко красномъ фонѣ неба. Это продолжалось полчаса, и до сего дня передъ моими глазами ясно представляется это удивительное явленіе природы. Слѣдующіе два дня море было очень бурно, такъ что великая княгиня и я были единственныя не страдавшія.

8-го Октября я благополучно пріѣхала въ Веймаръ и была такъ счастлива быть опять дома, съ моими родителями, сестрами и братьями, и опять имѣть вокругъ себя своихъ подругъ. Особенно подружилась я съ Тони фонъ Гопфгартенъ (v. Hopfgarten), дочерью оберъгофмейстера ф. Гопфгартена, впослѣдствіи вышедшей замужъ за г-на ф. Шéве изъ Мекленбурга. Она была очень некрасива собой, и послѣ натуральной оспы цвѣтъ лица ея оставался очень краснымъ, что̀ прошло только со временемъ; но она была такъ весела и остроумна, что когда мы съ ней видѣлись,—а это бывало ежедневно,—послѣ напряженной игры ея общество дѣйствовало на меня освѣжающе. У нея былъ прекрасный альтовый голосъ, и мы съ ней много музицировали вмѣстѣ, а въ этомъ году даже устроили съ нею голосовой квартетъ (Singquartett) у меня, который появлялся и при дворѣ, и въ обществѣ, гдѣ музыка была оживляющимъ элементомъ для скучающихъ. Въ моихъ квартетахъ принимали также участіе мои подруги Марія ф. Бöльвитцъ (v. Beulwitz), фрейлина нашей великой княгини, Марія Кёлеръ (Köler), Ольга Грантъ, рожд. ф. Вагнеръ, а изъ мужчинъ гг. ф. Плюсковъ (гофмаршалъ), Франкъ (военный), Біанкуръ (Biancourt), все время, пока онъ находился при миссіи въ Веймарѣ, и еще нѣкоторые другіе. Благодаря имъ, мы изучали многіе квартеты.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Веймаръ, я была въ Донъ-Жуанѣ и поражена была прекраснымъ пѣніемъ г-жи ф. Мильде, которая играла Донну Анну. Роль эта считается одной изъ самыхъ неблагодарныхъ, но я должна сказать, что она исполнила ее такъ, какъ я никогда ея не слыхала; она сумѣла не нагнать скуку, которую обыкновенно вызываютъ постоянныя сокрушенія Донны Анны.

30-го Октября. Я провела вечеръ въ семействѣ нашихъ друзей Фрорипъ (Geheim-Medicinalrath Froriep), гдѣ я познакомилась съ докторомъ Штраусомъ, написавшимъ «Жизнь Іисуса Христа». Онъ имѣлъ видъ католическаго или протестантскаго пастора и сидѣлъ почти неподвижно съ задумчиво опущенной головой.

Въ домѣ г-на Фрорипа всегда собирались всевозможные ученые и иностранцы; прежде онъ былъ врачомъ въ Берлинѣ и только по смерти своего отца поселился со всѣмъ своимъ семействомъ въ Веймарѣ. Я была очень дружна съ двумя старшими его дочерьми Альмой и Бертой. Первая вышла замужъ за сына поэта Фридриха Рюккерта, который былъ агрономъ и управлялъ имѣніемъ своего отца. Со свадьбой ея наше общество лишилось одного изъ своихъ музыкальныхъ членовъ, такъ какъ она очень хорошо пѣла и играла. Вторая—Берта, впослѣдствіи посвятившая себя живописи, сначала рисовала съ нами въ гросгерцогской рисовальной школѣ, затѣмъ работала съ нами въ

мастерской профессора Мартерштейга, и наконецъ стала ученицей Пилоти, когда онъ былъ директоромъ Веймарской школы живописи.

Веймарская гросгерцогская школа рисованія была основана еще во времена Гёте. Ученіе въ ней было безплатно и происходило два раза въ недѣлю, для дѣвочекъ отъ 10-ти до 12-ти утра, для мальчиковъ отъ 2-хъ до 4-хъ. Школа состояла изъ трехъ классовъ. Въ третьемъ классѣ,—отъ прямой линіи до арабесокъ,—преподавалъ Либеръ (Lieber), извѣстный реставраторъ старыхъ картинъ. Во второмъ рисовали съ гипса, и преподавали профессора Тонъ (Thon) и Іэде (Iäde). Въ первомъ классѣ рисовали съ натуры акварелью, гуашью, углемъ и карандашемъ; въ этомъ классѣ въ мое время учителями были профессора: Фридрихъ Преллеръ, извѣстный пейзажистъ, создавшій фрески, изображающія Одиссею въ Веймарскомъ музеѣ, Мартерштейгъ (историческая живопись), Кахеръ (Kacher) и Іэде (Iäde I.). Каждое лѣто дѣлалась выставка ученическихъ работъ, и мы Сабинины, которыхъ въ школѣ училось девять человѣкъ, занимали цѣлую стѣну своими рисунками, къ которымъ присоединялись и картины моей матери. Это очень радовало нашу великую княгиню, которая, послѣ посѣщенія выставки, ни разу не преминула поощрять насъ къ дальнѣйшей работѣ.

Когда мы окончили курсъ рисовальной школы, то вмѣстѣ съ нѣсколькими подругами продолжали заниматься у профессора Мартерштейга, въ его мастерской. Тамъ же работалъ и братъ мой Иванъ, который совершенствовался для исторической живописи. Въ этомъ году Мартерштейгъ писалъ мой портретъ для своей исторической картины «Томасъ Мунстеръ», и я часто была въ его мастерской.

Мартерштейгъ былъ очень хорошій учитель, но отъ природы грубъ, и это чувствовалось и въ его картинахъ, въ которыхъ есть что-то жесткое, недовольно мягкости. Онъ самъ былъ ученикъ Поля Делароша, который бывалъ у него въ Веймарѣ, гдѣ я его видѣла. Особенно любилъ Мартерштейгъ подшучивать, и я помню случаи, когда онъ доводилъ своихъ ученицъ до слёзъ, что̀ ничуть не мѣшало ему на слѣдующее утро начинать сызнова. Онъ только тогда не продѣлывалъ своихъ шутокъ, когда его Schätzel, какъ онъ звалъ свою жену, бывала больна. У жены его былъ чисто-Нѣмецкій правильный профиль и свѣтлые волосы, а вся ея персона дышала спокойствіемъ и терпѣніемъ, что̀ безъ сомнѣнія было великимъ счастьемъ для ихъ брака. Мартерштейгу я очень многимъ обязана, такъ какъ онъ развилъ во мнѣ любовь къ живописи.

1852-й годъ.

Седьмое представленіе «Лоэнгрина» Р. Вагнера, подъ управленіемъ Листа, привлекло въ Веймаръ такое множество слушателей изъ окрестностей и издалека (von nach und fern), что значительному количеству лицъ пришлось отказать за недостаткомъ мѣстъ.

26-го давали «Дочь Полка» Доницетти, съ участіемъ Генріэтты Зонтагъ (графини Росси), а 28-го она пѣла Розину въ «Севильскомъ Цирюльникѣ». Это было милое, прелестное, граціозное созданіе. 31-го она пѣла «Марту» Флотова, послѣ чего было рѣдкое событіе: вечеромъ ея почитатели устроили ей серенаду. Зонтагъ пѣла съ необычайной легкостью, голосъ ея былъ гибокъ и серебристъ. Ея piano совсѣмъ замирало; играла она съ живостью молоденькой дѣвушки, обладала и комизмомъ, но ей недоставало страсти Дженни Линдъ; надо также сказать, что она была старше Дженни Линдъ, и въ то время, когда она пѣла о любви, ей недоставало..... молодости.

Къ графинѣ Росси особенно враждебно относился Гансъ фонъ Бюловъ, любимый ученикъ Листа; но нельзя оспаривать, что у нея былъ крупный талантъ. Будучи еще молоденькой дѣвушкой, она гастролировала въ Прагѣ и попросила разъ капельмейстера приказать аккомпанировать ей въ одной аріи полутономъ выше. Капельмейстеръ не захотѣлъ это сдѣлать и далъ знакъ музыкантамъ играть такъ, какъ написано. Тогда Зонтагъ пропѣла всю арію полутономъ выше, и упрямому капельмейстеру пришлось сдаться. Это свидѣтельствуетъ о музыкальномъ развитіи ея слуха.

Гансъ фонъ Бюловъ, тогда (въ 1852-мъ году) еще молодой человѣкъ, отличался большимъ, ѣдкимъ умомъ. Характеръ его былъ рѣзкій и не очень пріятный для ближняго. Даже любящая его мать,— очень умная женщина, — не разъ жаловалась на его невыносимый нравъ. Образованіе онъ получилъ отличное и, какъ свѣтскій человѣкъ, вращался во всѣхъ слояхъ общества. Онъ былъ некрасивъ, близорукій и курносый, а въ выраженіи его лица было что-то вызывающее, твердое и холодное. Когда появилась его статья противъ графини Россси, во всѣхъ слояхъ общества поднялся одинъ крикъ негодованія противъ него; отъ него стали сторониться и избѣгали его, какъ огня. Все сказанное имъ въ этой статьѣ онъ могъ бы изложить въ какое угодно время, но не именно въ тотъ моментъ, когда графиня Росси плѣнила всѣхъ очаровательнымъ своимъ пѣніемъ. Это была неумѣстная выходка неопытнаго и пылкаго молодого артиста: пользы она никому не принесла, а ему лично надѣлала много вреда, испортивъ его поло-

женіе. И не только ему повредила она, но и его музыкальному руководителю Листу, который часто расплачивался за чужіе грѣхи. Положимъ, что статья Бюлова была послѣдствіемъ его близкаго знакомства съ грустнымъ вообще положеніемъ музыкальнаго дѣла въ Германіи, которое велось шаблонно и безо всякаго артистическаго предначертанія цѣлей. Не разъ члены Листовской школы и приверженцы Вагнера указывали письменно своимъ собратіямъ на возможность прекращенія упадка искусства и на способы исправленія подобнаго положенія дѣла; въ отвѣтъ на нихъ сыпались насмѣшки и неумѣстная брань, которая вызывала только сильнѣйшее раздраженіе. Но тогда еще эластичная натура Листа всегда поднималась выше всѣхъ этихъ дрязгъ. Онъ одобрялъ и поддерживалъ начатую борьбу и, еще шутя, все повторялъ: «Je leur laisse encore cinq-six ans pour nous attaquer, après quoi nous resterons les vainqueurs du champ». Но когда стрѣлы противъ преобразованія искусства исходили отъ лицъ извѣстныхъ и даже дружныхъ съ Листомъ, онъ всегда съ грустью отзывался объ этомъ. (Напримѣръ—Рубинштейнъ).

Въ теченіе многихъ лѣтъ членомъ Веймарской оперы былъ Гётце (теноръ), обладавшій мягкимъ голосомъ и хорошей школой. Онъ былъ очень образованъ по части музыки, и мы съ сестрой Еленой много лѣтъ брали у него уроки пѣнія. Изъ ученицъ его особенно выдѣлялась Ахте (Agthe), дочь члена Веймарской капеллы Ахте, вышедшая впослѣдствіи за артиста Веймарской оперы г-на фонъ Мильде (баритонъ), племянника архіепископа Вѣнскаго. Послѣдніе годы своего пребыванія въ Веймарѣ Гётце очень хандрилъ, и только съ величайшимъ трудомъ могли развлечь его чѣмъ-нибудь. Причиной этой ипохондріи была его любовь къ его ученицѣ Р. Ахте; такъ какъ она не отвѣчала взаимностью, то онъ наконецъ рѣшился покинуть Веймаръ и 29-го (17) Февраля въ Тангейзерѣ пѣлъ въ послѣдній разъ. Онъ получилъ мѣсто профессора пѣнія при Лейпцигской Консерваторіи. У него былъ единственный ребенокъ—дочь Августа, изъ которой онъ выработалъ хорошую пѣвицу (альтъ); гораздо позднѣе она поселилась въ Дрезденѣ и открыла тамъ школу пѣнія.

Въ первыхъ числахъ Марта провелъ у насъ два дня священникъ Янышевъ съ женою, проѣздомъ изъ Петербурга въ Висбаденъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто послѣ Базарова, котораго назначили въ Штутгардтъ духовникомъ королевы Ольги Николаевны Виртембергской. Мой двоюродный братъ Базаровъ (онъ былъ женатъ на старшей дочери дяди Кочетова) казался моему отцу слишкомъ свѣтскимъ человѣкомъ; отецъ находилъ, что у Базарова недовольно серьезныхъ познаній и свѣдѣній, какихъ по его мнѣнію можно бы требовать отъ священника,

который въ теченіе многихъ лѣтъ живетъ за границей и имѣетъ всевозможныя средства для дальнѣйшаго образованія. Янышева отецъ считалъ болѣе серьезнымъ и всегда бывалъ радъ его видѣть.

Въ 1865-мъ году о. Янышевъ былъ призванъ въ Копенгагенъ, чтобы преподавать Законъ Божій по Православному исповѣданію будущей Цесаревнѣ, Принцессѣ Дагмаръ; еще позже онъ былъ назначенъ ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи. За нѣсколько мѣсяцевъ до его назначенія ректоромъ, Императрица послѣ кончины моего отца *), имѣла однажды со мною долгую бесѣду о томъ, какъ поставлено духовное воспитаніе въ Россіи. Я очень много слышала объ этомъ вопросѣ отъ моего отца и отъ разныхъ родственниковъ и въ особенности много слыхала о томъ, что монахъ (какъ бы онъ высоко ни стоялъ въ іерархіи) не на своемъ мѣстѣ, какъ ректоръ духовной академіи, изъ которой должны выходить не монахи, а священники, усовершенствовавшіе свое образованіе. Объ этомъ очень много говорили, и существовало множество анекдотовъ о ректорахъ-монахахъ, какъ академій, такъ и семинарій. Понятно, что хотя вообще образованіе у священниковъ стояло значительно выше, и между ними было много ученыхъ, монахи никакъ не хотѣли допустить на подобныя мѣста кого-нибудь изъ бѣлаго духовенства, но всегда старались сами получить ихъ. Каково же было мое удивленіе, когда спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого разговора я узнала, что Янышевъ назначенъ ректоромъ Петербургской Духовной Академіи. Въ то время оберъ-прокуроромъ св. Сѵнода былъ Ахматовъ, котораго Императрица часто видала. По смерти духовника ихъ величествъ о. Бажанова, о. Янышевъ былъ назначенъ на его мѣсто, а освободившееся мѣсто ректора сейчасъ же занялъ монахъ.

20-го Марта въ первый разъ данъ былъ «Бенвенуто-Челлини» Гектора Берліоза, подъ управленіемъ Листа. Инструментація этой оперы, какъ и всѣхъ сочиненій Берліоза, богатая и совершенно новая. Онъ сталъ употреблять такіе инструменты, которые до того не употреблялись, напримѣръ, саксофонъ, и изъ каждаго инструмента Берліозъ извлекалъ такъ много и такъ мастерски, какъ только можно; поэтому исполненіе написаннаго имъ, какъ для инструментовъ, такъ и для поющихъ, далеко не легкое; оно требуетъ артистическаго образованія. Исполненіе этой оперы въ Веймарскомъ театрѣ доказываетъ о томъ, какъ высоко въ музыкальномъ отношеніи стояла тамошняя капелла, и какое вліяніе на поднятіе ея имѣлъ Листъ. Опера эта въ высшей степени интересна для всякаго артиста; новизна заключалась

*) Скончался въ 1863-мъ году.

въ богатствѣ инструментаціи и въ своеобразности мелодій; поэтому становится понятнымъ, что для большинства публики, у котораго тонкое музыкальное пониманіе мало развито, опера эта не представляла интереса. «Бенвенуто-Челлини» дали еще нѣсколько разъ, и затѣмъ онъ былъ сданъ въ архивъ, какъ многое замѣчательное.

29-го нашъ пѣвческій кружокъ далъ концертъ, въ которомъ я въ первый разъ слышала увертюру Фауста, сочиненную Вагнеромъ.

На этомъ концертѣ послѣдній разъ со мной разговаривала невѣстка нашей великой княгини, герцогиня Ида, которая вскорѣ послѣ этого скончась (3-го Апрѣля). Герцогиня Ида была жена герцога Бернгарда Веймарскаго, брата гросгерцога Карла Фридриха; онъ находился на Голландской службѣ и былъ штатгалтеромъ короля Голландскаго въ Остъ-Индіи. Наша великая княгиня была очень огорчена ея смертью и сказала: «Герцогиня по своимъ лѣтамъ была единственной моей ровесницей и притомъ моимъ дорогимъ другомъ, которому я могла все сказать». У герцогини Иды было трое сыновей и двѣ дочери: принцъ Эдуардъ служилъ въ Англійскомъ флотѣ; принцъ Германъ былъ женатъ на дочери короля Виртембергскаго Аугустѣ, а третій принцъ Густавъ былъ на Австрійской службѣ. Дочери ея были: принцесса Анна и принцесса Амалія; послѣдняя въ 1853-мъ году вышла замужъ за брата короля Вильгельма Голландскаго, принца Гейнриха, штатгалтера Люксембургскаго.

Въ Веймарѣ съ 1850-го года существуетъ Лукасъ-ферейнъ, основанный докторомъ Р. Фрорипъ, при содѣйствіи мѣстныхъ властей. Вечернія собранія въ городскомъ домѣ служили для исполненія живыхъ картинъ, съ музыкой или безъ нея, маленькихъ театральныхъ пьесъ, чтеній и т. под. 30-го Апрѣля въ Лукасъ-ферейнѣ вечеромъ было дано представленіе для дѣтей «Leben und Tod des kleinen Rothenkäppchens» («Жизнь и смерть маленькой Красной Шапочки»), соч. Людвига Тейкъ, состоявшее изъ пролога и 3-хъ дѣйствій; дѣйствующими лицами были молодыя дѣвушки. По окончаніи нашей игры къ намъ подошелъ Листъ съ Бюловымъ и выразилъ свое удовольствіе о нашей игрѣ.

Листъ уже давно жилъ въ Веймарѣ съ княгиней Каролиной Сайнъ-Витгенштейнъ. Сначала онъ велъ очень безнравственную жизнь, часто пилъ слишкомъ много и въ отношеніи образа жизни оставлялъ желать такъ многаго, что мой отецъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ допустить его въ нашъ домъ.

Противъ него, какъ артиста, никто бы не могъ ничего найти: его удивительная техника, его игра, исполненная огня, всѣхъ восхищала и приводила въ восторгъ.

Какъ дирижёръ, онъ отличался стараніемъ обучить оркестръ и хоръ: не пропускалъ ни малѣйшей ошибки и провинившагося заставлялъ повторять одного до тѣхъ поръ, пока не окажется ни одного невѣрнаго такта, ни единой фальшивой ноты. Когда намъ, то-есть, оркестру зингферейна Гэзера (Häsersche Singverein), приходилось готовиться къ концерту, Листъ часто дѣлалъ репетиціи, длившіяся 8—10 часовъ, отпуская всего на одинъ часъ, на время обѣда; по прошествіи же этого часа съ неутомимой энергіей вновь принимался за репетицію. При этомъ онъ горячился, сердясь на неспособныхъ и легкомысленныхъ, и въ такихъ случаяхъ не жалѣлъ провинившагося, если это былъ мужчина, называя его Eselskopf (оселъ) и другими подобными выраженіями. Веймарскимъ мѣщанамъ (Spiesbürger) это казалось черезчуръ обиднымъ, и въ его оркестрѣ образовалась партія недовольныхъ съ капельмейстеромъ Штёромъ во главѣ; они громко высказывали свое неудовольствіе. Съ нами же дамами Листъ былъ всегда очень вѣжливъ и любезенъ, часто повторяя: «Meine Damen, singen Sie freier» («Сударыни, пойте вольнѣе»), такъ какъ многія при немъ боялись дать свободу голосу.

Какъ фортепіанный композиторъ, онъ нашелъ себѣ мало приверженцевъ; его переложенія были такъ новы и своеобразны въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что до этого было написано, такъ трудны въ техническомъ отношеніи, что очень немногіе рѣшались ихъ играть, вслѣдствіе чего въ 1850-мъ году онъ еще не былъ извѣстенъ, какъ композиторъ, и всякій считалъ себя въ правѣ оспаривать его композиторскій талантъ. Доброта его всѣмъ извѣстна: всякій бѣдный артистъ, обращавшійся къ нему за помощью, могъ быть увѣренъ, что получитъ ее. Само собою разумѣется, что, будучи столь разнообразно одаренъ духовно, онъ стоялъ выше многихъ.

Въ концѣ Мая въ Веймаръ пріѣхалъ императоръ Николай Павловичъ. Онъ очень постарѣлъ, но все же величественное явленіе. Вскорѣ прибыла и императрица Александра Ѳеодоровна, въ сопровожденіи великаго князя Константина Николаевича и герцогини Лейхтенбергской Маріи Максимиліановны.

31-го (19-го) Мая, по случаю Духова дня, они всѣ были въ церкви, и я была представлена великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ. Вечеромъ, по желанію нашей великой княгини, назначено было представленіе Тангейзера, но по болѣзни главныхъ пѣвцовъ, Листъ далъ 1-й актъ до хора пилигримовъ, затѣмъ дуэтъ изъ Лоэнгрина, увертюру Римскаго карнавала и 2-й актъ «Бенвенуто Челлини».

1-го Іюня (20-го Мая) всѣ Русскія царствующія особы уѣхали.

18-го (6-го). Іюня. Великіе князья Николай и Михаилъ Николае-

вичи пріѣхали въ Веймаръ изъ Ганновера и пробыли у своей тетки три дня; они всѣхъ очаровали своей веселостью и любезностью.

Тѣмъ временемъ я очень страдала болью въ горлѣ, такъ что для меня опасались горловой чахотки; я пила множество минеральныхъ водъ, и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ почти вовсе не играла, что̀ меня страшно огорчало. Вообще и до того и послѣ многое меня нравственно тяготило. Отецъ мой по цѣлымъ недѣлямъ страдалъ отъ ипохондріи, и тогда намъ страшно бывало жаль бѣдной мама, которая при этомъ являлась козломъ отпущенія (souffre-douleur) за всѣхъ и за все. Мы дѣти старались, какъ могли, развеселить или порадовать отца, но съ подобными больными трудно обращаться. Одно ему всегда приносило пользу, это леченіе въ Тёплицѣ, куда онъ поѣхалъ и въ это лѣто.

22-го (10-го) Августа родилась наша сестра Надежда; я этого вовсе не ожидала и была очень этимъ удивлена, но въ тоже время и очень радовалась.

26-го вечеромъ я была у г-жи Родофиникиной (r. Rodofinikin), рожденной Фелейзенъ, сестры Петербургскаго банкира. Кромѣ меня и Тони ф. Гопфгартенъ тамъ были еще г-жа ф. Шпигель (v. Spiegel), супруги ф. Плётцъ (Plötz) и баронъ Мальтицъ. Послѣдній былъ родомъ изъ Остзейскихъ провинцій и женатъ на графинѣ Ботмеръ (Bothmer) изъ Мюнхена, сестра которой была первой женой поэта Тютчева и матерью Анны Ѳедоровны Тютчевой, впослѣдствіи г-жи Аксаковой. Баронъ Мальтицъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ Русскимъ министромъ-резидентомъ въ Веймарѣ и оставался на этомъ посту до самой своей смерти. По-русски онъ и говорилъ и писалъ очень плохо, и когда онъ начиналъ часто приходить къ моему отцу, мы заранѣе уже знали, что ему надо писать бумаги, которыя переводить за него будетъ мой отецъ, а переписывать моя мать или мой братъ Иванъ; послѣдній даже довольно долго былъ секретаремъ у Мальтица. Отъ природы Мальтицъ былъ очень добръ; онъ только очень не любилъ, когда его обычная жизнь и занятія прерывали какой-нибудь непріятной исторіей, или когда ему приходилось читать кому-нибудь мораль. Ему много приходилось работать по бракоразводному дѣлу княгини Каролины Сайнъ-Витгенштейнъ, длившемуся много лѣтъ, и всегда, послѣ полученія подобной бумаги, онъ бывалъ очень не въ духѣ. Русскихъ книгъ онъ никогда не читалъ иначе, какъ отмѣчая карандашемъ каждый слогъ, на которомъ должно быть удареніе. Онъ былъ поэтъ, но въ стихахъ его было мало созвучія. Говорилъ онъ мало и употреблялъ всегда очень изысканныя выраженія. Когда мы встрѣчались, онъ давалъ мнѣ руку, но не всю, а всегда только одинъ или два пальца. Г-жа ф. Мальтицъ имѣла репутацію остроумія (hatte den Ruf

einer scharfen Zunge), но я не знала этой стороны ея характера, такъ какъ мы съ ней были мало знакомы. Она была Нѣмка и осталась Нѣмкой, такъ что для Русскихъ Сабининыхъ ихъ домъ былъ все равно, что чужой.

1-го Сентября моя сестра Елена, оставшаяся въ Петербургѣ послѣ моего отъѣзда оттуда, вернулась въ Веймаръ, тоже не выйдя замужъ. Понятно, что ни она, ни я не согласились принудить себя выйти замужъ по расчету; впрочемъ наши родители предоставили намъ свободу выбора и рѣшенія. Съ ихъ стороны тоже было вполнѣ понятно желаніе видѣть насъ замужемъ; но по волѣ судьбы, ни одна изъ насъ, семи сестеръ, не вышла замужъ, а изъ пятерыхъ моихъ братьевъ всего одинъ женился, но вскорѣ послѣ своей свадьбы скончался отъ чахотки. Мы всѣ родились и были воспитаны за границей и видѣли вокругъ себя, что какъ основаніе для брака требуются любовь и свободный выборъ, которые необходимы для нравственныхъ отношеній; всякій же бракъ, основанный на одномъ разсужденіи, остается устроеннымъ торгомъ (Handel), равнодушнымъ союзомъ, который часто приноситъ съ собой несказанныя страданія. Понятно, что ни одна изъ насъ не могла согласиться на подобную сдѣлку.

Сестра Елена была очень скромна и добра, и до того застѣнчива, что ей трудно было знакомиться съ кѣмъ-нибудь; съ дѣтства она любила читать и была такъ начитана, какъ женщины рѣдко бываютъ. Кромѣ большой и рѣдкой библіотеки, принадлежавшей моему отцу, къ нашимъ услугамъ была гросгерцогская публичная (öffentliche) библіотека, въ которой можно было найти все, что̀ угодно, и брать на домъ для прочтенія. Моя сестра постоянно пользовалась этимъ и была прилежнѣе всѣхъ насъ, хотя въ тоже время въ хозяйствѣ была правой рукой моей матери. Я болѣе исключительно занималась искусствомъ, имѣла мало времени для чтенія такого, какъ я его понимаю, и часто прибѣгала къ помощи удивительной библіографической памяти моей сестры, которая всегда говорила мнѣ въ какой книгѣ я могу найти что̀ ищу. Для меня она была настоящимъ сокровищемъ (Hausschatz), и притомъ кротости она была удивительной. Къ несчастью, она была очень болѣзненна и долгое время ей ежегодно приходилось по нѣскольку мѣсяцевъ лежать въ постели; у нея случались обмороки, длившіеся пять дней, такъ что докторъ за нее всегда очень опасался. Когда баронесса Фредериксъ и я поселились въ Крыму въ 1868 году, моя сестра Елена пріѣхала къ намъ, и южный климатъ такъ благотворно на нее подѣйствовалъ, что въ теченіе десяти лѣтъ она съ утра до вечера работала въ саду, что̀ страстно любила. Ни дождь, ни холодъ не могли ее задержать въ домѣ; за исключеніемъ одного

случая холеры, отъ которой она очень ослабѣла. Она работала такъ ежедневно въ теченіе десяти лѣтъ; когда пришло извѣстіе о смерти моего младшаго брата, морского врача Андрея Сабинина, съ ней опять сдѣлался обморокъ, вслѣдствіе нравственныхъ страданій, она снова начала прихварывать, пока, наконецъ, не разболѣлась такъ, что ей пришлось слечь въ постель. Она много и ужасно страдала, но такъ стоически, съ такою христіанской покорностью, какую рѣдко можно видѣть. У нея былъ органическій порокъ сердца и артеріальный зобъ на лѣвой сторонѣ шеи; зобъ этотъ сначала казался чѣмъ-то совсѣмъ обыкновеннымъ, употребляли іодъ и т. д., хотѣли даже сдѣлать ей операцію; наконецъ, гораздо позднѣе, профессоръ Франковскій (изъ Харькова) сдѣлалъ діагнозъ и сказалъ, что это артеріальный зобъ, состоящій изъ ткани кровяныхъ сосудовъ, такъ что ни іодъ, ни операція не въ состояніи этому помочь.

Съ возвращеніемъ сестры моей Елены, я, къ великой своей радости, была освобождена отъ веденія хозяйства, которымъ я занималась вмѣсто моей матери.

Нѣсколько дней послѣ пріѣзда Елены, были крестины сестры Нади; воспріемниками у нея были наша великая княгиня Марія Павловна и баронъ Мальтицъ. Крещеніе совершено было у насъ дома. Послѣ крещенія былъ большой завтракъ съ Шампанскимъ, во время котораго наши подруги были такъ веселы и остроумны, что я до сего дня вспоминаю то радостное настроеніе, въ которомъ всѣ находились. Наша молоденькая сосѣдка Елена Тонъ продекламировала стихи, въ которыхъ выразила свои пожеланія моей новорожденной сестрѣ; къ стихамъ она присоединила атрибуты искусствъ: атрибутомъ музыки была трещетка, толстая кисть для живописи, а перо для поэзіи и т. д. въ томъ же родѣ; все это было связано вмѣстѣ въ одинъ пакетъ. Всѣ пожеланія моей подруги исполнились: Надя была удивительно одаренная дѣвушка, очень хорошо играла на скрипкѣ (она была ученицей Куммера, Е. Зингера и Ауэра), сочиняла стихи, очень мило рисовала, словомъ, будучи младшимъ ребенкомъ, была всеобщей любимицей и оживляющимъ элементомъ въ семьѣ.

25-го Сентября пріѣхало четверо новыхъ придворныхъ пѣвчихъ изъ Петербурга, для Русской церкви. Прежніе четыре: Стрѣльницкій, Таренецкій, Кедровъ и Полетаевъ жили въ Веймарѣ уже около пятидесяти лѣтъ. Никакого подобія голоса у нихъ больше не было, и ихъ пѣніе нельзя было называть пѣніемъ. Имъ дали пенсію, и они оканчивали свою жизнь въ Веймарѣ, такъ какъ слишкомъ привыкли къ тамошней жизни и слишкомъ отвыкли отъ своего отечества. Стрѣльницкій описалъ всю свою жизнь, и большое многотомное сочиненіе его

доказываетъ, что всѣ народы, живущіе на землѣ, произошли отъ двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ; съ этимъ убѣжденіемъ онъ отошелъ къ праотцамъ своимъ. У Таренецкаго было два сына въ Медицинской Академіи въ Петербургѣ: старшій изъ нихъ умеръ совсѣмъ молодымъ, а второй блистательно окончилъ курсъ и послѣ профессора Грубера, былъ назначенъ на его мѣсто. У Кедрова были двѣ дочери, которыя получили образованіе въ Германіи, съ тѣмъ, чтобы стать гувернантками. Старшая воспитала дѣтей Игнатьева, и ея воспитанники, посолъ Николай Игнатьевъ и генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Алексѣй Игнатьевъ, дѣлаютъ ей честь.

Сентября 30-го. Мы отправились въ лѣсъ искать грибы. Для насъ, Русскихъ, это удовольствіе; но Нѣмцамъ оно было совсѣмъ неизвѣстно: они съ неподдѣльнымъ ужасомъ смотрѣли на насъ, когда мы ѣли грибы, и были вполнѣ убѣждены, что мы ѣдимъ ядъ. Для насъ же, особенно когда мы были дѣтьми, эти прогулки въ лѣсу были величайшимъ удовольствіемъ.

23-го Октября. Я провела вечеръ у г-жи фонъ-Плётцъ, и тамъ познакомилась съ пріятельницей Гёте, Беттиной фонъ-Арнимъ, прозванной Bettina das Kind. Это была старушка невысокаго роста и очень оригинальная. Въ Веймарскомъ паркѣ находится павильонъ, такъ-называемый Римскій домикъ, въ которомъ въ былыя времена часто живали гросгерцогъ Карлъ-Августъ и Гёте. Близъ этого домика находился можжевельникъ рѣдкой красоты и величины: сучья его широко раскинулись и образовали большое и густое дерево. Беттина фонъ-Арнимъ, при воспоминаніяхъ о прошедшихъ временахъ, садилась, какъ птичка, на одну изъ вѣтокъ этого можжевельника и задумывалась о минувшихъ дняхъ. Но можно себѣ представить, что Веймарскимъ жителямъ, привыкшимъ къ приличіямъ (Stand und Sitte) такой поступокъ Беттины казался болѣе чѣмъ страннымъ.

Скульпторъ Штейнгейзеръ (Steinhäuser) въ Римѣ сдѣлалъ въ одинъ день статую Гёте болѣе натуральной величины: Гёте изображенъ сидящимъ, а между колѣнъ его стоитъ молоденькая женская нагая фигура и пальцами перебираетъ струны лиры, которую онъ держитъ въ рукахъ. Женская фигура эта должна изображать Беттину фонъ-Арнимъ. Статуя эта, изваянная изъ бѣлаго мрамора, была поставлена въ павильонѣ Веймарскаго парка, и Беттина пріѣхала въ Веймаръ, чтобы посмотрѣть на нее въ оконченномъ видѣ. Съ Беттиной пріѣхали и дочери ея, и такимъ образомъ я познакомилась съ ними у г-жи Плётцъ. Старшая дочь, Армгарда, въ этотъ вечеръ пѣла, и меня попросили ей аккомпанировать съ листа (vom Blatt); она не знала, что я играю и очень боялась, что я не справлюсь; я, улыба-

ясь, успокоила ее, увѣривъ, что постараюсь по мѣрѣ возможности. Послѣ первой пѣсни она выразила свое восхищеніе отъ моего аккомпанимента, а по окончаніи второй, въ знакъ благодарности, обняла и поцѣловала меня. Младшая, Гизелла, казалась застѣнчивѣе своей сестры, но она была восхитительно мила, въ особенности хороши были ея глаза и прелестна улыбка. Армгарда говорила о своей сестрѣ, что она ей кажется низшедшимъ духомъ. Веймарская придворная художница Луиза Зейдлеръ (Zeidler) воспользовалась ихъ пребываніемъ въ Веймарѣ, чтобы сдѣлать для своей замѣчательной портретной коллекціи портретъ пастелью Гизеллы фонъ-Арнимъ.

1-го Декабря давали «Бенвенуто Челлини» Берліоза. Мы сидѣли въ одной ложѣ съ Раффомъ и фонъ Бюлловымъ, который тутъ же былъ мнѣ представленъ. Листъ дирижировалъ. Онъ очень высоко ставилъ «Бенвенуто Челлини» въ музыкальномъ отношеніи, такъ какъ эта часть оперы дѣйствительно замѣчательна, но по слабости либретто ее нельзя было удержать на сценѣ, и нигдѣ больше ея не давали. Съ тѣхъ поръ, что Берліозъ написалъ эту оперу, прошло двѣнадцать лѣтъ, и только дружба къ нему Листа была въ силахъ добиться ея постановки въ Веймарѣ; но и тутъ, не смотря на замѣчательный интересъ, который представляла музыкальная ея часть, слабость либретто помѣшала ей удержаться на репертуарѣ. Листъ же думалъ, что дѣло чести придворныхъ театровъ давать ходъ тѣмъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, произведеніямъ, которымъ нѣтъ возможности попасть на такія сцены, гдѣ ставятъ оперы только ради добыванія денежныхъ средствъ. Цигезаръ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Листа и, пока онъ былъ директоромъ, многое было изъято изъ забвенія, многимъ данъ невидимый толчекъ, для продолженія работы.

Нѣсколько дней спустя давали Лоэнгрина. Берліозъ съ женою сидѣлъ передо мною въ ложѣ для пріѣзжихъ; со мною были: г-жа фонъ-Бюловъ, мать Ганса ф.-Бюлова, Беттина фонъ-Арнимъ и ея двѣ дочери, Берліозъ все безпокойно вертѣлся на своемъ стулѣ: видно было, что лирическая музыка Вагнера непріятно дѣйствуетъ на его нервы. Онъ не любилъ произведеній Вагнера, не признавалъ его драмы, хотя внутренно онъ долженъ былъ сознаться, что, благодаря соединенію въ одномъ лицѣ поэта и музыканта, «Лоэнгринъ» представляетъ драму поэтичную и цѣльную, съ которой не можетъ быть сравненъ его «Бенвенуто Челлини», не смотря на красоту и величественность музыкальной части послѣдняго. Часто приходило въ голову, что недоброжелательство къ Вагнеру Берліоза, Рубинштейна и другихъ лежало просто въ сознаніи ими собственнаго безсилія въ сравненіи съ его громаднымъ талантомъ: не имѣя возможности выступить, какъ онъ, музыкантомъ и

поэтомъ, они не могли и мечтать о принятіи драмы Вагнера образцомъ для себя.

Осенью этого года начались безконечные переговоры о постановкѣ Тангейзера въ Берлинѣ. Гюнценъ, директоръ королевскаго театра, не могъ въ этомъ дѣлѣ стать на артистическую точку зрѣнія Листа; онъ отлично велъ свое дѣло, какъ образованный чиновникъ, но не имѣлъ тонкаго артистическаго чутья, которое присуще человѣку съ талантомъ, или образуется необходимыми познаніями. Ему было все равно, разрѣшить ли постановку Тангейзера, или Марты, или Фаворитки и т. п.; въ каждой оперѣ онъ видѣлъ только финансовую сторону дѣла и не признавалъ возможнымъ сдѣлать для Тангейзера больше, чѣмъ для Фаворитки и т. д. Противники драмы Вагнера, въ числѣ ихъ и могущественный Мейерберъ, воспользовались этимъ для того чтобы затормозить появленіе Тангейзера въ Берлинѣ: разъ данная въ Берлинѣ музыкальная драма проложила бы себѣ путь на подмостки всѣхъ большихъ сценъ и, зная это, Вагнеръ давно хлопоталъ объ этомъ, не только ради распространенія своей драмы, но и въ виду своего бѣдственнаго положенія. Второстепенные театры, за право пользоваться его партитурой, могли предложить ему только немного болѣе ста рублей; отъ Берлина онъ надѣялся получить тысячу талеровъ. Веденіе переговоровъ съ Берлиномъ Вагнеръ передалъ Листу, но дѣло висѣло на волоскѣ, и Вагнеръ хотѣлъ отказаться выслать партитуру. Въ Январѣ 1853-го года рѣшили ставить «Фенеллу» Обера, «Индру» Флотова; о Тангейзерѣ все замолкло. Въ Лейпцигѣ директоръ городского театра рѣшился поставить Тангейзера, что̀ было предпріятіемъ болѣе, чѣмъ рискованнымъ, такъ какъ главная оппозиція противъ школы Листа и драмы Вагнера исходила изъ Лейпцига. Опасенія оправдались: на второмъ представленіи публика отсутствовала; директоръ остался при своихъ расходахъ. Послѣ подобнаго фіаско Тангейзера, въ Берлинѣ призадумались о его постановкѣ. Но примѣру Берлина не послѣдовала Рига, гдѣ разрѣшили постановку Тангейзера. Въ Веймарѣ Тангейзера въ первый разъ дали безо всякой обрѣзки 26-го Декабря 1852-го года. Вагнеръ этого требовалъ, находя, что не ему слѣдуетъ дѣлать уступки публикѣ, а онъ долженъ поднять ее до себя. Необкромсаннаго Тангейзера публика приняла восторженно.